

СТАРИК

Бродит по дому, поскрипывая половицами, старик. Отражается то в старом самоваре, то в потемневшем зеркале. В него смотрелись когда-то и отец его, и мать. «Господи, — думает дед, хотя до сих пор не знает, верующий он или нет. — О, Господи, может, помнит их молодыми это стекло в самодельной рамке. Помнит, как на их лицах появлялись морщины, а в волосах седина. И я виноват в каких-то из тех морщин».

И он сам смотрелся в это зеркало еще в пилотке, а под той солдатской пилоткой полный комплект волос, не то что нынче. А на груди гимнастерки с сержантскими погонами — орден Красной Звезды, медали, нашивки о ранениях. Смотрел с надеждой, как и все победившие врага в той Великой Отечественной. Тогда, казалось, даже сам весенний ветер был пропитан надеждой...

Дед вздыхает: совсем недавно, в самом конце века, и двадцатого, и своего, он догадался, что стар... До этого, когда заговаривали о годах, только отшучивался: «А я не помню, то ли мне 79, то ли 97 — цифры те же». Да и не чувствовал себя стариком. Может, зеркало виновато?

Самое же интересное, что старик этот — я сам.

ГРИФЕЛЬНЫЕ ТЕТРАДИ И БУКВАРЬ «ПЕРВИНКА»

С 1912 года существовал у нас лесопильный завод. Радио в поселке еще не было, и по утрам будил и старых и малых, а также заспавшихся петухов заводской гудок. По нему подводили стрелки на часах-ходиках и подтягивали гири, а взрослые собирались на работу. Через час доносился второй гудок: на заводе начинала работу первая смена, а нас, малышей, поднимали в школу. Выпьешь кружку молока, перекинешь через плечо сшитую мамой сумку с кармашком для чернильницы, а второй — для тряпочки, и бегом на занятия.

Все, чем жили мальчишки и девчонки в поселке моего детства, давно забыто. В первом классе, хотя уже шел 1930 год, писали мы в грифельных тетрадях. Страницы в них черные, из тонкого картона, а грифелек оставлял белый след. Исписал страницу, стер тряпочкой все, что написал, для этого и тряпочки с собой носили, и опять пиши. Зато как радовались мы, когда нам наконец-то выдали простые тетради. Но писали в них мы только самое важное. Решешь в грифельной тетради примеры, покажешь учительнице, исправит она твои ошибки, тогда уже переписывай. А потом носи тетрадь домой, хвастайся, какой ты грамотей.

Давно прекратила свое существование Дальневосточная республика, а мы все учились по ее учебникам. Вместо букваря — «Первинка», вместо арифметики — «Счет и труд», потом — «Письмо и труд», а в главном учебнике «Школа и труд» — фотография деревянных домиков города Читы с подписью: «Ваша столица», хотя главным городом тогда у нас был уже Хабаровск.

В классе моем, над картой Российской империи, висел портрет Л. Троцкого. Наш учитель и учительница не знали, что еще два года назад его нужно было снять. К счастью, портрет они убрали раньше, чем их самих...

В те годы отметки в школе менялись. То были: «неуд», «уд», «хор» и «оч. хор». Потом стали писать в тетрадях: «плохо», «посредственно» (а в школьном обиходе «пос»), «хорошо» и «отлично». Какое-то время ставили даже проценты. Может, по той причине, что проценты мы еще не проходили, их быстро отменили. В этих оценках даже родители запутались. Встретит тебя на улице кто-нибудь из взрослых, когда уставший от наук ты бредешь из школы, встретит и спрашивает: «Ну, что получил?» — а чаще всего: «Как, Коля, перейдешь или нет?» Ты, конечно, засмущаешься, поковыряешь носком ботинка дорогу и скажешь: «Наверно, перейду».

И в школу-то я поступил не первого сентября, а в декабре. Работали тогда у нас на лесозаводе спецпереселенцы из Амурской области. Крепкие, работающие мужики. Когда их к нам привезли, они быстро обустроились. Раскорчевали землю под огороды, срубили домики, даже скотом начали обзаводиться, а их года через два-три вдруг сорвали с места и отправили на Хорский лесозавод.

Встретила маму учительница, пожаловалась, что учить некого, половина детишек уехала. «Возьмите моего Колю, — сказала ей мама, — ему скоро семь лет будет, а так он и читает, и пишет».

И повел меня на следующий день в школу мой сосед первоклассник Илюша Кирик. Только вошли мы с ним в коридор, как запрыгала вокруг нас ребятня, закричала: «Кирик пришел, новичка привел!»

Так я стал учеником начальной школы, где и сделал карьеру: приняли меня в подготовительный класс, через неделю-другую перевели в первый, а там и учебный год закончился, и я уже — второклассник.

ВЕЧНОЕ ПЕРО И «ЖВАЧКА»

Лет в тринадцать-четырнадцать стал я владельцем фотоаппарата «Фотокор».

В комплект к нему входили три кассеты, а значит, сделать можно было аж три снимка. Позже я и ребята, которые тоже обзавелись «Фотокорами», приспособились на одну кассету делать два снимка, загораживая половину пластинки черной бумагой. Отправляясь гулять за поселок, мы перекидывали через плечо коробки с фотоаппаратами и кассетами, а вот штативы к ним, как правило, несли наши девушки.

Первые карманные деньги я заработал с помощью «Фотокора».

Проводилась тогда паспортизация. Помню, дед мой ходил и вздыхал: «А ну как не дадут паспорт?» Председатель Новокаменского поселкового совета, увидев, как мы зря, с его точки зрения, переводим фотопластинки, увековечивая друг друга на берегу реки, попросил нас сделать снимки жителей его деревни на паспорта.

Через день мы приплыли на лодке, расположились у кого-то на кухне и быстро отсняли всех желающих. Пластинку в кассете делили уже не на две, а на четыре

части. А на заработанные деньги купили потом всем «вечные перья» — наливные ручки. Они тогда только появились в нашей дальней дали и являлись вожденной мечтой каждого подростка. Да и одноклассники иначе смотрели на ребят, у которых из кармана высовывался зажим ручки.

А теперь о «жвачке». Как-то «Известия» (18.04.2001), перечисляя важнейшие изобретения, определившие быт и стиль XX столетия, наряду с самолетами и звуковым кино назвали жевательную резинку. Ничего не ведая о том, что в Дании только в 1927 году было впервые налажено производство жевательной резинки, завоевавшей вскоре мировой рынок. У нас в Приамурье с давних-предавних времен употребляли свою жвачку — серу. Это была смола, вытопленная из лиственницы или кедра и пропущенная через кипящую воду. К слову, задолго до «Дирол» она не имела в своем составе сахара.

Однажды, а учился я тогда в третьем классе, учительница наша Зинаида Захаровна заставила покраснеть моего приятеля. «Ну что ты, Яша, — пожурила его она, — жуешь при девочках». Девочки, которые стояли рядом, захихикали. С тех пор я ни свою деревенскую жвачку, ни «Стиморол», ни «Дирол» прилюдно не жевал. Пусть ее жуют тренеры на спортивных соревнованиях — похоже, это придает им соответствующий имидж.

Нынче у нас мода такая, поветрие — ниспровергать российских первооткрывателей в науке, первооткрывателей: «Циолковский? Да он такой же теоретик в изучении космоса, как Мичурин в биологии». «Попов и радио — смешно...» Пока еще не замахиваются на Д. Менделеева. Правда, сейчас больше говорят о Дмитрие Ивановиче не как об авторе периодической системы элементов, а как о прекрасном мастере изготовления чемоданов...

Вот мне и захотелось восстановить наше первенство в изготовлении хотя бы жвачки.

О КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКЕ, И НЕ ТОЛЬКО...

До завершения (век назад) строительства железнодорожной Транссибирской магистрали все металлическое в Приамурье стоило очень дорого, завозилось-то морями вокруг света. Когда-то я удивлялся, кто и откуда привез в наш поселок и окрестные деревни столько колючей проволоки. Ею огорожены были не только огороды, но и заимки, стога сена. Наверное, все-таки нужнее в нашем далеком краю России были различные механизмы, инструменты — те же пилы, даже чугунные плиты для домашних печей.

Потом уж мой дед растолковал мне: «Да из Волочаевки колючая проволока. Там ее столько осталось после войны, что надолго хватит». Может, кто-то из читателей помнит слова забытой песни: «Штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни...»

Памятник волочаевским дням пока стоит, а вот музей, рассказывающий о штурме Волочаевки, уже несколько раз растаскивали, разворовывали, да и только ли его... Когда-то мы, подростки-допризывники, ходили в Волочаевку пешком из своего поселка. И это тоже из нас, мальчишек, готовило солдат близкой уже Второй мировой войны.

Не так уж много на нашей восточной окраине исторических памятников. А прошлое, какое бы оно ни было, — оно наше. Что же касается Гражданской войны, то своя правда была и у красных, и у белых. И не разгорелась бы она таким пожаром, если бы не интервенция. Даже на Дальнем Востоке чьи только сапоги и ботинки не топтали улиц Владивостока, Николаевска-на-Амуре, Хабаровска...

Девятнадцатого сентября 1927 года начала свои передачи радиовещательная станция в Хабаровске. До нее от поселка километров тридцать, и скоро наши умельцы принялись мастерить простейшие детекторные приемники. Собирали их из самых подручных средств, покупали только наушники. Несколько витков медной проволоки — это контур настройки. Для детектора из свинца и, кажется, серы отливали кристаллик. Соединяли их опять же медной проволочкой, и приемник готов! Что ни мастер, то своя конструкция. Потом натягивалась через улицу высоченная антенна, закапывался в землю кусок железа — это заземление... Все! Теперь нужно тыкать спиралькой с острым концом в кристалл и, ежели повезет, услышишь: «Говорит Хабаровск!»

Однажды поздним вечером пришли к нам домой учитель и учительница специально послушать радио. Взяли каждый по одному наушнику. Ох уж я переживал, ох переживал — а вдруг у отца не получится? К счастью, ему удалось быстро «поймать» Хабаровск, и ушли учителя довольные столь зримым прогрессом науки. Может, от этого переживания я и стал в армии радистом.

Голос радио приблизил к нам страну. Мы ведь жили на ДАЛЬНЕМ Востоке. Даже самый скорый поезд мчался до Москвы десять дней. А теперь, особенно когда в поселке появился свой радиоузел и в каждый дом повесили черные тарелки динамиков, мы узнали, что в Беринговом проливе затерт льдами пароход «Челюскин», что летят на Дальний Восток Гризодубова, Осипенко и Раскова, услышали про полет Чкалова и про то, что в приамурской тайге, на месте селения Пермское, строится город Комсомольск-на-Амуре. Что-то новое приходилось слышать каждый день.

До этого на Дальний Восток вел только один железнодорожный путь. Оттого и медленно передвигались через Сибирь поезда. Теперь из Забайкалья в Хабаровск прокладывался второй путь и железная дорога в Комсомольск и Советскую Гавань. На месте станции «Тихонькая» строился город Биробиджан. Во всех дальневосточных городах поднимались новые предприятия.

Доходили до нас и тревожные вести. К российской границе, захватив Маньчжурию, вышли японские войска. Серьезный военный конфликт произошел у озера Хасан. Гремела слава, особенно среди нас, подростков, кому предстояло служить в армии, слава героев-пограничников, и среди них Никиты Карацупы и его пса Ингуса. Они задержали четырехста шестьдесят семь нарушителей. Можно представить, сколько шпионов, диверсантов, контрабандистов стремились в те годы перебраться через границу.

Когда я учился в седьмом классе, то фотографировался со своими друзьями Степаном Бойко и Петей Рыжиковым. В начале войны Петр погиб на фронте. Несколько лет назад я видел эту фотографию у Степана. Она очень характерна для того времени. На наших пиджаках значки, да не простые, а наградные. У одного «БГТО» — «Будь готов к труду и обороне», у кого-то — «ПВХО» — «Готов к противовоздушной химической обороне» и у всех — «Ворошиловский стрелок». Что-что, а стрелять мы умели. Особенно после уроков военного дела, на которых немало постреляли, правда, из мелкокалиберной винтовки, и «значкистами» у нас были и девушки, они стреляли вместе с нами, учились бросать гранаты. Недаром радистка Дора, с которой мне довелось вместе воевать, постоянно носила в вещмешке пару гранат «лимонок».

Несмотря на то что был заключен договор с Германией о «ненападении», мы готовились к войне.

ПОСЛЕДНИЙ МИРНЫЙ ДЕНЬ

В тот день в школе намечался выпускной вечер. Я собирался погладить брюки и ходил по двору, размахивая тяжелым чугунным утюгом, чтобы раздуть тлевшие в нем угли. Существовал в то время такой прибор. И тут появился Борис Мирошниченко, мой друг и одноклассник.

— Ты радио слушал? — спросил он. — Говорят, что на нас напали немцы... — Борис смотрел то на меня, то на утюг в моей руке, будто хотел что-то еще сказать, а утюг ему мешал.

В слова Бориса и верилось и не верилось. Я торопливо догладил штаны, и мы отправились к поселковому клубу. Там во дворе было все для молодежи: спортивная и танцевальная площадки, волейбольная сетка, трибуна для особых торжеств. В другое время на спортивной площадке кто-нибудь подтягивался бы на турнике, забирался по шесту или канату. Но сегодня никем не званный народ собирался у трибуны. Наверно, каждому хотелось почувствовать себя частицей чего-то общего, большего, чем наш рабочий поселок. Люди рассказывали друг другу кто что слышал.

Позже, в одном из своих стихотворений, я об этом написал:

Последний мирный день все длится, длится...

У наших мам предчувствия слеза.

И девушек встревоженные лица,

И мальчиков восторженных глаза...

И как тут не грустить, не волноваться,

Ведь прожито всего по восемнадцать...

Действительно, на сердце у всех были и тревога, и чувство подъема, и удивление: «Да как они посмели, как решились напасть на нас? Мы же их уничтожим «малой кровью, коротким ударом!»

У нас шел восьмой час вечера, значит, в Москве первый час дня 22 июня 1941 года. Провести митинг никто не догадался. Впрочем, и некому было. Воскресенье. Поселковое начальство или трудилось на покосах, или рыбачило. Но народ не расходился. Наоборот, по одному, по двое все еще тянулись сюда и пожилые, и молодые. И тут на столбе у танцплощадки ржavo закрипел, ожил динамик. Наверно, включил его киномеханик. Сквозь треск и помехи прорвался какой-то марш. А когда он стих, мы услышала слова, запавшие в память на всю жизнь: «Сегодня в четыре часа утра... без объявления войны...»

...На выпускной вечер, который все-таки состоялся, мне и троим моим друзьям принесли из военкомата повестки.

— На войну, на войну... — зашептали девушки.

— Нет, пока только военно-морское училище, — сказал старший лейтенант. — Для вас сегодня последний мирный день.

И он длился, длился...

ШЕЛ ВСЕГО ПЯТЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Скучным и неприглядным остался в моей памяти наш районный центр. Многочисленные железнодорожные пути рассекали его на две части. И обе они пропахли дымом и гарью, которую несло от все растущих после чистки паровозных топков

отвалов сгоревшего угля. Вася Мельников, недавно одолевший «Божественную комедию» великого Данте, говорил:

— Вот такая зола, с такими же огоньками приготовлена для вас, чревоугодники, в круге третьем ада, — и отламывал сушку от связки, перекинутой через плечо Васьки Мартыненко.

Сушки были общими, купленными по дороге, и предназначались для чайной церемонии в вагоне поезда. Еще один наш друг — Андрей — шлепал Васю по макушке и заявлял:

— Начитался. Знаем, что грамотный!

— Усач! — дразнил его Вася и отскакивал в сторону.

У Андрея уже пробивались над губой черненькие усики. Это нравилось девочкам и смущало нашего друга.

Рано утром наша компания приехала сюда в чистых отглаженных рубашках, а сейчас, ко второй половине дня, они потемнели, запылились, будто не ходили мы по разным районным учреждениям, а проработали смену в здешнем депо. То ли дело наш зеленый поселок. Пахучие ветры приносили с лугов на его улицы запахи цветов или свежескошенного сена. А если выйти к реке, озеру или заливу!..

Всего пятый день шла война, и мы, четверо мальчишек, шагали через рельсы из военкомата к вокзалу. Мы шли, балагурили, еще не осознавая всю роковую трагичность случившегося, даже мысли не допуская, что военный пожар, уже полыхавший на западе, не потухнет долгие четыре года и коснется, пусть по-разному, всех людей земли. Нас больше беспокоили перемены в собственной судьбе.

В наших карманах лежали только что врученные в военкомате вызовы из далекого черноморского военно-морского училища и требования на выдачу нам проездных билетов до станции «Севастополь».

Тревогу свою мы скрывали за шутками и подначками, а за нами, приотстав, и даже чуть в стороне, шагала по гальке и щебенке, насыпанной между путями, в своих лучших береженных туфельках — предмете зависти многих поселковых девочек — наша одноклассница Октира. Октира — это в школьном обиходе, а по новенькому паспорту — Октябрина.

Октире очень нравился один из нас, и, чтобы проводить его, она тоже прикатила сюда, придумав себе какое-то неотложное дело в райкоме комсомола. Он, объект воздыхания Октябрины, стеснялся друзей и за ее приезд, и что девушка идет следом; старательно пытался показать, что его все это никакой стороной не касается. А тут еще Андрей, первым увидев ее, воскликнул:

— О! Доска появилась! — чем ввел одного из нас в окончательное смущение.

Относительно «доски» Андрей был неправ. Все, что привлекает в женщине, у нее уже вырисовывалось. Но, конечно, еще только-только. Один из приятелей напрасно изображал, что он сам по себе, а Октябрина — тем более. Ребята все знали и не удивились бы, если бы он и Октира шли сейчас обнявшись и даже прямо вот здесь, на железнодорожных путях, целовались, прильнув друг к другу. И радовалась бы девушка безмерно, ведь уезжает мальчишка, уезжает, а на дворе 41-й год... И поцеловала она его первый раз сама еще ранней весной в полумраке купе местного поезда. Поцеловала неумело, в щеку, будто случайно коснулась, и замерла, ожидая: что-то будет дальше?

За давностью лет я не помню, ответил он ей тогда в поезде или не решился. А мог оробеть, потому что в фильмах нашей молодости девушка, которую юноша впервые поцеловал, обычно отвечала звонкой пощечиной. Но в этот ли раз, или в другой, он ее все-таки целовал, потому что в дневнике его было записано: «Оказывается, я не умею...» Что автор этого незаконченного предложения не умеет, как

видите, зашифровано тремя точками и скрыто, таким образом, и от любопытных глаз младшего брата, и от пытливого ума историков. Последних мне особенно жалко.

Возможно, когда-нибудь мудрецов, погружающихся в самые сокровенные тайны жизни общества, больше будут привлекать не войны, революции, смуты или вопрос о том, почему на выборах победил кандидат, про которого все говорили: «Уж за него-то я голосовать не собираюсь», привлечет не то, что кажется зачастую самым главным, а Он и Она. Только так. Ну можно еще сказать — Она и Он. Ведь если подумать, хорошо подумать, то Мир был сотворен Высшим разумом именно для них. Иначе зачем его было создавать? Не для прихоти же самого творца и не из-за любопытства: «А что будет дальше?» И самое всепоглощающее счастье рождается от общения, от близости или союза двух одинаково настроенных душ.

Жаль, что об этом я узнал слишком поздно. Да один ли я.

...А мы перешагивали рельсы, бегущие от самого Великого или Тихого океана до Ярославского вокзала Москвы, и никто не прижимался своими губами к другим трепетным губам. Впрочем, и время было другое, совершенно отличное от нынешнего. Сейчас, когда я под вечер прохожу по главной улице Хабаровска — Муравьева-Амурского, целующихся вижу больше, чем за все годы своей дальней-дальней юности. Мы не считали, что целоваться негигиенично, безусловно нет, что-то другое нас удерживало...

На выпускном вечере, после торжественной части, за скромным столом нас усадили рядышком. Вот ее плечико, вот мое, и мы все время касаемся друг друга. И ребята-старшеклассники, и учителя — все, в общем-то, знали, что мы «дружим». Даже потому знали, что мы вдвоем постоянно раскатывались на велосипедах то на берег Тунгуски, то на железнодорожную станцию, то на релки, любимое место прогулок молодежи в то время. И вот тогда, в районном центре, она шла и с нами, и не с нами. «Боже мой, — говорю я себе сейчас, — и до чего я был застенчив и наивен. Ведь расставались мы не на день».

Потом было волнение при посадке в вагон, веселый дележ полок, и только когда поезд медленно тронулся, Андрей крикнул:

— Октябрина-то стоит!

Мы кинулись к окнам и дружно замахали ей.

Больше Октябрину я не встречал...

ПИСЬМО БЕЗ МАРКИ

Давно мои ровесники сняли армейские шинели. Много лет не получаю я солдатских писем. А ведь когда-то они приходили частенько, со знакомыми почерками ребят фронтового радиовзвода. Годы идут, и не только почерк, фамилии стали забываться. И писем давно не было. И вот однажды накануне Дня Победы, году в 1963-м, нашел я в своем почтовом ящике синий конверт без марки с треугольным штампом и обратным адресом воинской части.

Мне, что ли? Мне...

А в конверте было короткое письмо: «Дорогой Днепровец! Командование, партком и комитет ВЛКСМ войсковой части... горячо поздравляют Вас, наш боевой товарищ, с праздником Великой Победы!..» Дальше шли пожелания и подписи.

И хотя я понимал, что такие поздравления отправлены не только мне, и подписи под ними незнакомые, оно растрогало, будто это весточка от друга, о котором

давно ничего не слышал, и вот он вспомнил о тебе, разыскал адрес и написал... И даже показалось на минуту, что полк все идет и идет мимо курских деревень, мимо древнего города Новгорода-Северского, через полесские и беловежские топи, радист Вася Бахарев выстукивает ключом россыпь точек и тире, а ему отвечает из соседнего полка Нури Шиянов, или Дорка, или Гришка Юклиевский. И еще показалось, что можно сию минуту, ведь красноармейская книжка не затерялась, она и сейчас у меня хранится, сесть в переполненную теплушку и догнать полк где-нибудь у Сожа, Днепра или Буга. Догнать и вновь встретить ребят и девушек нашего радиовзвода, опять увидеть их такими, какими они запомнились по 1943–1944 годам.

Но дороги не повторяются, и фронтовую юность нашу не вернуть, а если уж вернуть, то лучше без «роковых сороковых». Да и большинства ребят уже не встретишь. Вася Бахарев похоронен у дороги возле польской деревни Клещели, Нури погиб на плацдарме за Наревом. Совсем другие, незнакомые парни служат сейчас в нашей славной Днепровской стрелковой дивизии.

Ах, ребята, ребята! Какими обычными вы казались тогда, и какими необыкновенными видите теперь, когда от тех лет, от юности отделяют нас и счастливые, и трудные годы. Недаром представлял нас всех сержант Юклиевский 24 июня 1945 года, шагая в строю Парада Победы на Красной площади Москвы.

А письмо разволновало. Накатились воспоминания. Приду в редакцию журнала, где я тогда работал, надо читать очередную рукопись, а перед глазами крутой берег Десны. Справа от нас зарево над городом Новгород-Северским. Ночью наши батальоны форсировали реку. Немецкая артиллерия била по нашим понтонам, по табуну гусей из селения на берегу. Они с гоготом разлетались в разные стороны, а мы спешили скорей укрыться у берега. Там мы заняли оставленные немцами окопы. Чуть рассвело, на наш плацдарм налетели немецкие самолеты. Как привязанные, они заходили на вздрагивающий, задымленный клочок земли, сбрасывали бомбы, исчезали за берегом над нашими головами, а потом снова пикировали на нас.

Как сейчас вижу испуганное лицо радистки Кати. Она была комсомолка, никто не научил ее креститься, и Катюшка водила пальцами ото лба к носу и приговаривала: «Господи Иисусе, Господи Иисусе!..»

Кто-то зайдет в мой редакционный кабинет, поговорим, а уйдет он, я вспомню, как Дора вызывала из-за Сожа «огонь на себя», как дивизия наша форсировала Днепр...

Неделю, а может больше, воспоминания не давали мне покоя, пока не легли на бумагу, чтобы хоть так оставить память о фронтовых друзьях. Сюда не вошла наша поездка в Севастополь, в самые первые дни войны. О ней я начал писать «Повесть не о самом главном», но она лежит неоконченной. Не вошла и служба в запасном полку, где, не жалея ни нас, ни себя, командиры готовили нас на фронт. Правда, немного о той тыловой жизни я рассказал в новелле «Лето сорок второго...», опубликованной в журнале «Дальний Восток».

Но, перед тем как написать повести «Шли радисты» и «Жди ракету», я завел «Дневник памяти», куда заносил очень коротко все, что вспомнилось после поздравления из дивизии. И сейчас, просматривая эти заметки, я удивляюсь, что многое, о чем помнил тогда, в шестьдесят третьем году, сейчас забылось. А какая-то строчка из того дневничка будит память, рисует в мыслях целую картину.

За время своей редакторской работы, а это около сорока лет, я не раз убеждался, что многие, очень многие могут написать интересную книгу о своей жизни, а значит — о своем времени. Прожитый нами XX век с избытком переполнен событиями. И как часто мы жалеем, что не делаем хотя бы коротких записей.

ДНЕВНИК ПАМЯТИ

Несколько страничек, исписанных убористым почерком, на каждой строк по пятьдесят. Сейчас я так мелко написать не смогу. Пробовал — не получается. На первой странице заголовок: «Дневник памяти» и дата — «1943 г.».

Наша маршевая рота выезжала на фронт из города Свободного 5 января, как раз в день моего рождения. Ехали медленно. Дорога еще жила Сталинградом. Туда, задерживая нас, грохотали поезда с боевой техникой. Оттуда — санитарные поезда. Тогда я еще не знал, что сам на таком поезде, после тяжелого ранения в Польше, буду ехать сначала в Гомель, а потом в эвакогоспиталь в Барнаул. И будут у меня, отвыкшего от такой роскоши на фронте, и простыни, и подушка, и одеяло... А в конце месяца, тоже нам навстречу, двигались эшелоны пленных фашистов. На какой-то станции мы видели, как они бегут за кипятком. Некоторые в лаптях поверх развалившихся сапог, пилотки у многих обмотаны тряпками.

Все это напомнил мне дневник. А вот самое его начало:

«Февраль. В первых числах прибыли в город Вольск на Волге. На вокзале вечером меня и нескольких ребят из нашей маршевой роты приняли представители роты связи 193-й стрелковой дивизии. Ехали до расположения части в фургончике радиостанции. Вел машину шофер Володя, которому я потом на фронте подарил свою «пушку» — трофейный револьвер, наверное дульный, величиной чуть поменьше маузера. К его барабану подходили патроны только винтовочного калибра. А где их найдешь? Мне его за ненадобностью, с пятью патронами, отдал кто-то из телефонистов нашей роты.

Утром, принявший, наверное, порции две фронтовых, командир радиовзвода, молодой розовощекий лейтенант, подозвал меня и объявил: «Сержант, с этого дня, с этого часу вы поступаете в мое полное распоряжение». Но офицеры жили по частным квартирам, а командовали нами, обучали в основном сержанты. У многих ребят ордена и медали. Дивизия недавно вышла из-под Сталинграда и сейчас доукомплектовывалась, готовясь к новым боям.

Позже в формуляре дивизии я вычитал: «Основная масса пополнения получена из войск ДВФ» — нашего Дальневосточного фронта, значит, это и о нас.

Орденосцев в нашем поселке не было, не встречал я их и за время службы в тылу. А тут ребята позвякивают медалями, подходят к нам и запросто заговаривают. Старший сержант, с медалью «За отвагу» на груди, водил нас в баню. С базара ребята-ветераны нашей роты приносили запеченные целиком тыквы и делились с нами, новичками. Сержант Борисов, награжденный орденом Красной Звезды, объяснял нам устройство новенькой радиостанции «РБ-М» (радиостанция батальонная — модернизированная). С ней я участвовал потом в боях. До этого мы знали только рацию «б-ПК» (полковая коротковолновая), громоздкий деревянный ящик, установить связь с помощью которого дальше трехсот метров удавалось с трудом.

Все это я вспомнил, перечитывая свой «Дневник памяти». Всплыли забытые фамилии радистов, ставших друзьями. А надежнее той мужской дружбы я больше не встречал.

Перелистываю страницы, отыскиваю названия населенных пунктов, через которые мы проходили. «Высаживались в Ельце». «Ночевали первый раз в большой деревне Казаки, потом Ливны, со следами пожарищ». Еще запомнилась почти городского типа станция Поныри. Ночевали в школе без окон, с поломанными партами». Через несколько месяцев Поныри станет одним из мест, где гремела Курская битва.

«Идем через снежные бураны, мокрый снег. Ветер почему-то все время дует в лицо. Страшная усталость. Ноги просто отнимаются, хоть передвигай их руками.

«Тяжело в ученье — легко в бою», — не раз повторяли нам на занятиях в тылу. Неужели недостаточно нас гоняли?..

Политрук Киринос, жалея меня, иногда подсаживал в попутную машину. Может, потому, что сержантику всего двадцать лет, а возможно, слышал в теплушке, когда мы ехали до Ельца, как я, не помню по какой причине, прочитал наизусть несколько глав из «Евгения Онегина». Ах, ноги, ноги, они отходили только ночью на горячей русской печи, которые были в каждой хате. А утром, чуть рассвет, опять марш.

Где-то в сожженной деревне коротали ночь, иногда засыпая стоя в единственном уцелевшем доме. Народу в нем набилось столько, что не только не ляжешь, а даже не присядешь.

Наши колонны часто обстреливают или бомбят. На марше погибли лейтенант Чернобородин и капитан Чесноков. Оба они из Свободного, из той же роты связи, что и я.

На одной из остановок мы увидели первого своего офицера в погонах, которые только что ввели. Это был начальник штаба нашей дивизии.

Возможно, эти строки из моего, пожалуй, слишком многозначительно названного «Дневника памяти» могут показаться незначительными, мелкими, но они помогли мне написать свои фронтовые повести, несколько рассказов, а через пятьдесят пять лет после Победы — книжку стихов «Обратная связь». И я хоть этим оставил, пусть небольшую, но искреннюю память о фронтовых товарищах.

Сейчас много разговоров об альтернативной службе, о том, все ли юноши обязаны получить военную закалку. Много спорим, почему это допризывники стали бояться попасть в воинскую часть? Чаше всего говорим о неуставных отношениях, о пресловутой «дедовщине».

За почти шесть лет срочной службы в армии самое высокое звание, которого я был удостоен, — старший сержант. И, наверное, не мне судить, где кроются причины многих случаев дезертирства, побега из части с оружием. Откуда появляются не уважающие ни себя, ни своих товарищей, ни армию недалекие умом, туповатые, словно они прибыли в наше время из первобытного общества, «деды»?

Несмотря на то что я давным-давно износил гимнастерку, считаю, что до тех пор, когда у нас призывников заменят контрактники, служить в Российской армии должны все, несмотря на свои «пацифистские» убеждения. Кроме, безусловно, тех, кому не позволяет здоровье и семейные обстоятельства.

Что касается неуставных отношений, то я не помню ни одного случая, чтобы ребята — сталинградцы, орденосцы, к которым мы попали, прибыв с Дальнего Востока, чем-то нас унижали, оскорбляли. У них за плечами были тяжелейшие бои, а чем знамениты нынешние «старики» — гроза молодых? Тем, что выворачивают у них из кармана сторублевку, присланную из дому. Говорят, что на них опираются для поддержания дисциплины командиры взводов и рот. Грош цена таким командирам! Я объясняю это зло только отсутствием настоящей воинской дисциплины.

ПАМЯТНАЯ ФОТОГРАФИЯ

Я благодарен газете «Суворовский натиск» за то, что она первая познакомила читателей с некоторыми страничками из моего «Дневника памяти». До этого они были разбросаны по блокнотам, где воспоминания о 30-х годах соседствовали с тем, что вдруг вспомнилось про форсирование Днепра или о послевоенных студенческих годах. Сейчас я привожу свои записи в систему и пополняю.

Вот в скромном конверте интересное письмо от командира нашей 193-й Днепровской, ордена Суворова дивизии А. Г. Фроленкова. Командующий 65-й армией П. И. Батов в книге «В походах и боях» сказал о нем: «Жизнерадостный, неистощимый на военную выдумку генерал». А рядом особенно дорогая для меня фотография. На ней я, когда-то всего лишь старший сержант, беседую с генералом армии, дважды Героем Советского Союза Павлом Ивановичем Батовым.

Смотрю я на этот снимок и думаю, сколько перед его глазами прошло таких сержантов, рядовых, офицеров. Но он нашел время со мной побеседовать.

Мы знали, что наш командующий в армии с Гражданской войны и даже успел повоевать против фашистов в Испании.

Спроси сейчас старшеклассников о событиях в Испании в 1936–1939 годах, об «интернациональных бригадах» — ребята могут и не ответить. Мои сверстники, школьники тех лет, отыскивали на карте Барселону, Гвадалахару, Сеговию. Мы знали, что летом 1936 года по сигналу генерала Франко, переданному по радио: «Над всей Испанией безоблачное небо» — начался фашистский мятеж. Франкистов поддержали Муссолини и Гитлер, направив в Испанию войска и боевую технику. Но и наши добровольцы воевали там в интернациональных бригадах. Среди них был и П. И. Батов — «один из рыцарей гражданской войны в Испании», — сказал о нем К. Симонов. В Испании Павел Иванович носил псевдоним «Фриц». Вот так и получается, что Фриц бил фрицев.

Нельзя не вспомнить, что в Испании почти полтора года сражался Р. Я. Ма-линовский, командовавший после войны Дальневосточным военным округом, а впоследствии министр обороны СССР. Родион Яковлевич посещал конференции и собрания дальневосточных писателей, выступал на них. Ценил творчество хабаровского поэта Сергея Тельканова. По его заказу поэт написал песню «Идут солдаты ротами». Читал он также рукопись романа «Медвежий вал» Владимира Клипеля, в то время неизвестного автора. И, как вспоминает В. И. Клипель, прочитал очень быстро, внимательно и поддержал издание романа.

П. И. Батова на фронте я увидел впервые весной 1943 года. Тогда меня и радиста Леньку неожиданно вызвали из полка в роту связи. До деревни, где находился командный пункт дивизии и располагалась наша рота, мы дошагали быстро. Здесь первым нас встретил радист Иван Колотуша. Разулыбавшись, он воскликнул:

— А дырочки приготовили?

— Какие еще дырочки?

— А куда награды будете вешать?

Ничего не понимая, мы переглянулись, а Иван заторопился:

— Ладно, мне некогда. Наш взвод вон в той хате. — И зашагал по своим делам.

— Разыгрывает, — решил Ленька, но в радиовзводе нас сразу стали поздравлять ребята.

Оказалось, что скоро сюда, на командный пункт дивизии, придет командующий нашей 65-й армией и будет вручать награды. А награждены мы за бой в курском селе Кочетовка.

На фронте я тогда находился всего около месяца. Образовывался Курский выступ, Курская дуга. Дивизия наступала по бездорожью. Артиллерия, боеприпасы, продовольствие отстали. Мы, радисты, прибывшие с пополнением, по пути изучали новую для нас рацию. День ото дня сопротивление врага росло. И, как говорится в формуляре дивизии: «8.3.43 г. С утра пр-к превосходящими силами, при поддержке авиации (27 самолетов), 30-ти танков перешел в контрнаступление. Части, не выдержав ударов, оставили населенные пункты: Крюки, Кочетовка, Виженка...» Два из этих тридцати танков ворвались в Кочетовку.

В это село мы прибыли двое суток назад. В тот день меня и Леньку вызвал командир взвода.

— Пойдете с рацией в 3-й полк. Немцы контратакуют, а с полком с вечера нет связи, ни телефонной, ни радио, — сказал он, показывая на карте, как нам добираться.

В Кочетовку мы пришли уже в сумерки, и у первого встреченного на улице солдата я спросил, где помещается штаб полка. Он показал на разрушенный дом:

— Вот здесь вчера был. Под вечер печку растопили, а он, — солдат кивнул в сторону взлетевшей ракеты, — и накрыл.

Удивительные бывают совпадения. Много лет спустя в Хабаровске я познакомился с В. М. Книжником. Оказалось, что мы, не зная друг друга, служили в одном полку. Когда я рассказал ему, как прибыл в полк и спросил у солдата про штаб, Василий Михайлович схватил меня за руку и воскликнул: «Стой! Хочешь, я скажу, что он тебе ответил?» Оказалось, что это мы с ним встретились на улице в Кочетовке.

Вместе с офицерами штаба погибли тогда и наши радисты. Полк принял майор, начальник артиллерии. Он обрадовался нашему приходу и приказал побыстрее развернуть рацию в погребеке через дорогу от избы, где находился сам. Кажется, что никогда ничего в жизни я не хотел так, как на этот раз установить связь. Это же был не запасной полк в далеком тылу, где нас обучали радиodelу. К счастью, только я включил свой приемник, как услышал голос дивизионного радиста Василия Бахарева. Он уже давно ожидал нашего вызова. Майор переговорил и заметно повеселел. У него до этого не было связи с дивизией — ни телефонной, ни радио.

А еще через день под утро участилась стрельба, и Бахарев попросил к рации командира полка. Ленька побежал за майором, но тут же скатился в погребок и воскликнул:

— Немцы! Наши отходят!

Подхватив радиостанцию, мы выскочили на дорогу. Слева, в конце улицы, тархтел танк, а за ним виднелась цепочка солдат. «Фрицы!» — догадался я. С другой стороны мы разглядели наших и кинулись к ним. Увидев майора, я доложил, что его вызывает штаб.

— Разворачивайте рацию в этом доме, — приказал он. — Я сейчас. — И уже обращаясь к офицерам: — Неужели ни у кого нет пары гранат?

Едва успел я развернуть рацию, как дом трянуло. Часть потолка с треском поползла, но ее задержала труба русской печки. А дивизия продолжала требовать командира. Товарищ мой побежал за ним, распахнул дверь и тут же ее захлопнул.

— Танки во дворе! — выдохнул он, но я и сам уже догадался об этом, услышав тархтение моторов за стеной. А в наушниках все требовали и требовали командира.

Пришлось ответить, что с нами никого нет, а во дворе чужие «коробки». Так мы условно называли танки.

— А где эти «коробки»?

— У нашего дома... Он крайний на улице, — пробормотал я, и тут же вспомнил про карту, что была у нас.

Возле квадратика на ней, обозначающего конец улицы и наш дом, стояла заглавная буква «К» — первая в названии деревни.

— У буквы «К», — уточнил я. — «Коробки» у буквы «К».

— Вас поняли, — спустя минуту ответили мне. И чей-то новый голос совсем не по-уставному добавил: — Сынки, вы меня слышите? Укройте! Сейчас дадим «огонька».

Мы лежали, направив карабины в сторону двери. Во дворе слышался лязг гусениц, голоса. Немцы могли заглянуть сюда в любую минуту.

А время словно остановилось, каждая минута тянулась как час. «Скорей! Ну скорей!» — мысленно торопил я артиллеристов. И тут земля вздрогнула, раздались разрывы снарядов. Крыша над нашими головами вспыхнула. Избу стало затягивать дымом. Мы подкрались к выбитому взрывом окну. Неподалеку языки пламени лизали вражеский танк. Вокруг него суегились немцы, помогая кому-то выбраться из его чрева.

— Бежим! — скомандовал мой товарищ. — Скорей, пока они заняты...

Танкисты заметили нас, когда мы бежали по огороду. Ударили вслед из пулемета, но меня и Леньку выручил овраг, в который мы скатились. А через некоторое время раздался взрыв горевшего во дворе танка...

Помыслись мы во взводе, побрились, сменили подворотнички — особую заботу старшины роты, который говаривал: «Если у тебя подворотничок чистый, значит, ты не опустился». Только после этого отправились мы на построение.

Невысокого роста, сухощавый, генерал Батов шагал вдоль строя в сопровождении других офицеров и вручал награды. Остановился возле меня. Кто-то зачитал указ о награждении, где говорилось, что мы вызвали огонь на себя, в результате чего был уничтожен фашистский танк.

— Расстегни полшубок, — шепнули мне.

Я расстегнул, и командующий стал прокалывать мне гимнастерку, чтобы привинтить орден Красной Звезды. Случайно он кольнул мне грудь. Видно, почувствовав это, хотя я и постарался не показать виду, виновато улыбнулся: ничего, мол, потерпи, солдат. Мой радист Леня получил медаль «За отвагу».

В 1967 году Павел Иванович Батов приезжал в Хабаровск на международную конференцию сторонников мира. В президиуме рядом с ним сидел писатель Н. М. Рогаль. Он и сказал генералу, что в этом зале сидит солдат, которому Батов на фронте вручал награду. Павел Иванович заинтересовался, и на следующий день мы с ним долго беседовали. Он отлично помнил многих офицеров нашей дивизии, рассказал, что в городе Львове воздвигнут памятник нашим воинам, форсировавшим Днепр.

Мы обменялись с ним книгами. Я подарил свою повесть «Шли радисты» — о фронтовом радиовзводе, а он — книгу мемуаров «В походах и боях» с дарственной надписью.

